

Исмаил Иман

«Сады Астары»

(пьеса в четырех действиях)

*Тогда бы у нас не было брата,
но зато мы могли бы по-прежнему
живь и чтить его память.
Франц Кафка «Превращение»*

Действующие лица

Расул Ягубов, 42 года

Анар Ягубов, старший брат, 44 года

Алия Ягубова, мать, 68 лет

Бахтияр Ягубов, отец, 70 лет

Зейнаб, жена Анара, 39 лет

Расул Ягубов мл., сын Анара и Зейнаб, 14 лет

Солмаз, соседка по лестничной площадке, 50 лет

Двадцать четвертый, пассажир в метро, 35 лет

Действие происходит в квартире семьи Ягубовых.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

В центре темной сцены по центру установлен телевизор. Звучит минорная музыка. В телевизоре транслируются новости: дикторы озвучивают текст, который постоянно обрывается — кто-то переключает каналы. Дикторы разные (мужчины и женщины), текст разный, но тема и тональность одни и те же.

Диктор №1. Сегодня исполняется пятнадцать лет с ужасного террористического акта...

Диктор №2. Трагедия, объединившая нацию...

Диктор №3. Сорок пять погибших и более ста раненых...

Диктор №4. Пятнадцатая годовщина крупнейшего теракта в истории нашей страны...

Диктор №5. Взрыв в метро, унесший жизни невинных жертв необъявленной войны...

Параллельно с переключающимся новостным эфиром на сцену выходит **Расул**. Он встает посередине, смотрит в зал. На нем плащ, в одной руке он держит собранный зонт, в другой — портфель. У портфеля отрывается ручка, гаснет свет, обрывается новостной эфир. В темноте слышен звук падения портфеля и покатившихся по сцене плодов.

Пауза.

Загорается свет. На сцене декорация гостиной комнаты: диван, два кресла, стол со стульями, застекленный шкаф, на котором портрет молодого **Расула** с черной траурной лентой, по центру все тот же телевизор, снова включен — на этот раз звучит бравурная, жизнеутверждающая музыка и довольно громко.

В кресле слева сидит, раскинув руки, **Алия**. Она в обмороке. Рядом с ней стоит **Бахтияр** (на нем спортивные брюки и исподняя майка) и с остервенением обмахивает ее полотенцем.

Бахтияр (*обращается куда-то в сторону, за сцену*). Нашатырный спирт! Быстрее! (*Оборачивается в сторону телевизора*.) Кто-нибудь, выключите это!

Появляется **Зейнаб**, приносит нашатырный спирт. **Бахтияр** забирает пузырек, подносит его к ноздрям жены, та приходит в себя, тяжело дышит. **Бахтияр** откладывает полотенце и пузырек с нашатырным спиртом, суетливо ходит по комнате.

Бахтияр (*раздраженно*). Выключите это! (*Находит пульт и выключает телевизор*.)

Зейнаб садится на один из стульев справа, у нее совершенно потерянный вид.

Бахтияр (*бормочет*). Это значит, документы надо восстановливать... Паспортный стол... А что делать с единовременной помощью? Все же потрачено, давно уже, есть договор купли-продажи, все задокументировано... Бог ты мой, а! Как-то надо же все это объяснить... А панихида? Как я пойду на годовщину сегодня? Что я там скажу? И как мне объяснить, если не пойду?!

Алия (*усаживается в кресле поудобнее, ладонь прикладывает ко лбу*). Где Расул?

Зейнаб (*тихо*). Спать пошел.

Алия (*постанывает*). Где он? Где Расул?

Бахтияр (*раздраженно*). Спит, спит! Спать он пошел, с дороги устал... Долгая, говорит, дорога была... Пятнадцать лет, а!

Зейнаб беззвучно плачет, закрывает лицо руками.

Бахтияр (*раздраженно*). Успокойся! Ну что ты ревешь? Зачем плакать? (*Качает головой*.) Ладно, я пойду переодеваться, мне на годовщину надо.

Алия (*громко*). Твой сын жив, а ты идешь на его годовщину.

Бахтияр (*еще более раздраженно*). Твой сын неизвестно где пропадал последние пятнадцать лет! А поминальный вечер по всем жертвам трагедии!

Алия (*громко*). И в том числе по нашему сыну, который сейчас спит в соседней комнате.

Бахтияр (*еще более раздраженно*). Да, и я — отец шахида, который неизвестно где был все последние пятнадцать лет!

Зейнаб (*убирает руки с лица*). В Астаре он был.

Бахтияр. Что?

Зейнаб. Он же сказал, что в Астаре был.

Бахтияр отмахивается и выходит из комнаты. **Алия** и **Зейнаб** сидят в тишине.

Алия. Я когда-то была в Астаре... В молодости...

Входит **Анар**, осматривается по комнате.

Анар. Где он?

Алия (*всхлипывает*). Два моих сыночка снова вместе... как раньше...

Анар (*оборачивается к Зейнаб*). Где он?

Зейнаб. Спит... С дороги устал...

Анар. Что он делал? Что говорил?

Зейнаб. Я пришла, как обычно, сделать укол твоей маме. И тут звонок. Открываю — Расул. Мама обняла его, в слезы, потом и в обморок упала... Мы толком и не поговорили...

Анар. Может, это вообще не он? Может, это какой-то проходимец, воспользовавшийся ситуацией?

Алия. Сыночка, что ты говоришь?

Анар. Мама, пятнадцать лет прошло! Денег просил?

Алия. Побойся бога, мать всегда узнает своего сына!

Анар. Где он вообще?

Зейнаб (*твёрдо*). Это он. Это Расул.

Пауза.

Анар (*хватается за поясницу*). Ах, спина болит.

Алия. Сыночка, полежи на диване.

Анар. Мама, не до этого.

Алия. Приляг на диван.

Анар. Мама, мне же нельзя! Нельзя на мягком, нужно на твердом.

Зейнаб. Ну ляг на твердом, если так нужно.

Анар оборачивается к жене, разводит руками. Медленными, осторожными шагами входит **Расул**, все свои вещи он держит при себе — через руку перекинут плащ, этой же рукой он держит собранный зонт, другой рукой прижимает к себе портфель. Видно, что у портфеля оторвана ручка — вместо нее импровизация из проволоки и кабеля.

Анар. Брат! Живой! (*Обнимает, хлопает по плечам.*) Это же Расул! Живой! Настоящий! Что же ты с вещами? (*Забирает плащ и зонт, вешает на стул, затем портфель.*) Это же тот самый портфель... Тот самый... (*Кладет портфель рядом со столом, идет к застекленному шкафу, достает оттуда прозрачный пластиковый бокс, внутри которого ручка от портфеля.*) Все, что у нас осталось. Все, что нашли тогда, совершенно случайно... Единственная память о брате... А теперь ты здесь, снова с нами. Садись, садись. (*Усаживает на диван.*) Расскажи, где же ты был?

Расул. Я был в Астаре.

Алия поднимается, медленно подходит к **Расулу**, обнимает его будто набрасывается и начинает причитать вперемешку с рыданиями.

Алия. Деточка мой, сыночек мой родной, я же знала, материнское сердце чувствует все, не обманешь его, я верила, знала...

Расул. Мама, мама.

Анар. Мама, ну все. (*Уводит ее обратно.*) Ну что ты теперь плачешь, радоваться надо. (*Усаживает в кресло, берет за руки.*)

Алия. Да, Анар, ты прав. Ты всегда прав. (*Всхлипывает.*) Теперь все как раньше — два моих сыночка снова вместе, Анар и Расул...

Быстрым шагом входит **Бахтияр**, он при параде — темный строгий костюм, однотонный галстук.

Бахтияр. Так, я должен идти... Поминальный вечер... Опаздываю. (*Принюхивается.*) Что это за запах? Цитрусовый... Освежитель воздуха что ли распылили? (*Раздраженно, в сторону женщины.*) Успокойся, я же сказал. Хватит рыдаться... Расула возьму с собой. Да, так будет правильно! Правильно и оптимально. (*Замечает Расула, обнимает его и Анара, потом продолжает в том же деловом тоне.*) Это верное решение, пойдем вдвоем, остальные — дома, не будем устраивать семейный балаган на государственном мероприятии.

Анар. И что ты скажешь?

Бахтияр. Скажу, как есть. Вот мой сын, живой, у него был травматический шок и травма черепно-мозговая, Расул сейчас нам все расскажет. Случилась ретроградная

амнезия... Все события, собственная личность оказались утеряны... А сейчас перед годовщиной он увидел кадры кинохроники, и память вернулась...

Зейнаб (вполголоса). Индийское кино.

Бахтияр. Воссоединение семьи, чудо в прямом эфире. И не надо будет потом каждому сообщать и объяснять. Разом.

Зейнаб (вполголоса). Оптом.

Расул. Отец, не было амнезии.

Бахтияр. А что тогда было? Хорошо, назови это другим словом, нужный медицинский термин подберем. Суть в том, что память твоя заблокирована оказалась, но теперь ты здесь, с родителями, старшим братом и его женой.

Расул. Отец, не было никакой амнезии. Я все помнил.

Бахтияр (садится на стул). Что-то я ничего уже не понимаю. И где ты был?

Зейнаб (смеется). В Астаре... В Астаре!

Анар (в сторону Зейнаб, раздраженно). Помолчи. (Обращается к Расулу.) Хорошо, ты можешь объяснить, что случилось во время теракта и после? Ты же был там, правда? Мы же нашли ручку от портфеля...

Расул. Был, конечно. (Пауза.) Взрыв случился, когда состав прибыл на станцию. Двери открылись, я ступил на платформу, сделал первый шаг, и тогда все и случилось. Взрыв произошел в соседнем вагоне, нас отбросило взрывной волной... Передо мной был человек, его швырнуло о стену, насмерть... А меня — в него, это как раз меня и спасло. От удара оторвалась ручка портфеля...

Все внимательно слушают рассказ **Расула**, пока он рассказывает, все инстинктивно тянутся ближе, чтобы не пропустить ни слова.

Расул. Все, что потом — было как в тумане. (Пауза.) Вокруг кровь, огонь, дым, грязь... Мертвые тела, обезображеные, разорванная плоть...

Алия. Какой кошмар! Кыш-кыш, не дай бог!

Расул. Крики и стоны раненых, но их как раз я и не слышал — меня оглушило. Я машинально подобрал свой портфель, прижал к себе и, шатаясь, мало что соображая, пошел к выходу... Ручку обронил где-то на эскалаторе...

Анар. Да, я ее там и нашел...

Бахтияр. Что было потом?

Анар. А было что-то подозрительное во время взрыва?

Бахтияр. Неважно. Что было потом?

Анар. Папа, это же редкие свидетельства очевидца. Это важно!

Бахтияр. Это потом, потом. Для начала я хочу узнать, где был мой сын, пока я пустую могилу землей засыпал.

Расул. Я вышел из метро и смешался с толпой... Повсюду была суматоха, на меня вообще никто не обращал внимания. Я спустился вниз по улице пару кварталов, а потом вдруг понял, что теряю силы и вот-вот потеряю сознание. (Пауза.) Там были припаркованы такси, я сел в первую попавшуюся машину, сел сзади, попросил ехать, но даже адрес не успел сказать... Таксист стал показывать на места впереди и сзади, я просто раскрыл бумажник, достал купюры, он кивнул... Уже потом я понял, что это был междугородний бомбила, который берет деньги с каждого пассажира... В машине я потерял сознание, очнулся часов через пять, и мы как раз въезжали в Астару.

Алия. Я помню въезд в Астару, там еще такая стела установлена, не знаю, сохранилась ли.

Расул. Мама, все на месте. Там вообще особо ничего не поменялось за последние пятнадцать лет.

Бахтияр. Ты хочешь сказать, что все эти пятнадцать лет ты проторчал в Астаре? Что ты там делал?

Расул. Я работал... Работал охранником плодоовощного хозяйства... В Астаре потрясающие сады. (Воодушевленно.) Сады Астары. И все время идет дождь. Польет полчаса, перестанет, все подсохнет, опять прольется, на минут двадцать... И так — весь день. И все ходят с зонтами. Раскрыл, походил под дождем, встряхнул, собрал. Удивительное место! (Улыбается.)

Бахтияр хватается за голову, ходит по комнате. **Зейнаб** поднимается и подходит ближе.

Бахтияр. Мой сын, мой умница сын, образованный, интеллигентный, работал сторожем на овощной базе.

Зейнаб (монотонно). Это рассеянность внимания... Или что-то в этом роде.

Расул. Я и сейчас там работаю... Отпуск взял.

Анар. Стоп, стоп! Секундочку! Ты же понимал, что случился взрыв, что произошла эта трагедия?

Расул. Конечно.

Анар. Что погибли люди? Что был список погибших, сорок пять человек, и ты был в этом списке?

Расул. Под номером тридцать семь.

Анар. Тридцать семь... И ты предпочел остаться в Астаре и работать охранником?

Зейнаб (монотонно). Это у вас семейное. Рассеянность внимания.

Анар (обращаясь к жене, грубо). Что ты там несешь?

Зейнаб (громко). Почему вы зациклились на том, что он охранником работал? Да какая разница, кем! Кем угодно! И какая разница, где! Хоть в Астаре, хоть в Барде! Не об этом же речь! Он нас бросил, он оставил нас. Сознательно! Без потери памяти и рассудка. Он все помнил и не вернулся. И я пока не услышала вразумительного ответа на вопрос, почему это произошло.

Пауза. Все обступают **Расула**.

Расул. Когда прошел шок, через день или два, я пришел на вокзал... Все газеты писали об этом... Список погибших с фотографиями... Я там на себя совсем не похож...

Зейнаб (носит портрет Расула). Где Расул?

Расул. И тогда я понял, что не хочу возвращаться. Я понял, что впервые за долгое время мне спокойно на душе. Я понял, что это знак. Случившаяся трагедия и мое спасение... Этот мужчина на платформе, он же влез передо мной, чтобы выйти из вагона раньше, а я еще злился на него, торопился я... А когда меня отбросило в него, когда прижало к нему, я будто чувствовал его внутренние органы, как их разорвало, как жизнь внутри него превратилась в мягкое месиво, обтянутое кожей. Какую-то долю секунды, но именно тогда все и произошло... И когда я вышел на свет, это был уже другой человек... А дальше случайная поездка в Астару... Потом это черно-белое фото в газете, фотография молодого парня, какого-то другого, которого я когда-то знал... И я там остался. Остался в Астаре.

Зейнаб (кричит). Ты — свинья! Негодяй, ублюдок! Ты бросил меня! Твоя мать два месяца пролежала с параличом. А я, я... Представь, каково это просыпаться каждое утро и мечтать умереть... Представь эту боль!

Алия (кричит). Зейнаб, прекрати! Мой сын столько пережил!

Зейнаб (кричит). Кто? Он? Это свинья, мерзкая грязная свинья! Это выродок, бросивший молодую жену. (Дает пощечину.)

Алия (кричит). Зейнаб!

Расул молчит, **Бахтияр** и **Анар** стоят ошарашенные.

Зейнаб (садится на стул). Теперь можете идти на свой вечер поминальный и разыгрывать спектакль. (Выдыхает, вытирает руками лицо.) Трясет меня всю... И лицо колет... (Выдыхает, справляется со слезами.)

Входит **Расул мл.**, настороженно и с удивлением смотрит на собравшихся. Его замечают, все смотрят на него.

Зейнаб (спокойно). Сынок, познакомься, это твой дядя. Дядя Расул.

Расул (улыбается). Привет!

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

В гостиной комнате двое: **Анар** стоит у стола, отец **Бахтияр** сидит на диване, прикрыв ладонью лицо.

Бахтияр (убирает ладонь с лица). Странное такое ощущение, как будто на американских горках катаешься. Заполняющее тебя чувство счастья... Потом эйфория сменяется страхом... Но в финале горькое разочарование... Вот только староват я для таких аттракционов. (Поднимается.)

Анар. Папа, не переживай. Всему есть какое-то объяснение, более внятное... Я уверен, что Расул еще прояснит ситуацию.

Бахтияр. Может, у него психологическая травма?

Анар. Посттравматическое расстройство. Возможно... Такое у военных бывает.

Бахтияр. Да, он все-таки стресс пережил... А мы на него набросились.

Анар. Стресс был пятнадцать лет назад, у нас всех... Расул тоже хороший. Тактом он никогда не отличался. У него всегда было обостренное чувство справедливости. Не могу молчать! Скажу, как есть! Да подожди ты — спал, спал, очнулся. Столько лет прошло, хотя бы родителей пожалей, они же в возрасте.

Бахтияр. Не надо о возрасте... Ты сейчас говоришь о брате, а я понимаю, что мои воспоминания о нем потускнели, словно выгорели. Им нечем было подпитываться все эти годы. Это так ужасно. Так ужасно думать о своем ребенке в прошедшем времени... И вот он здесь, перед тобой. И я не знаю, что с этим делать.

Анар. Папа, ты все сделал правильно.

Бахтияр. У меня ведь его отобрали. Мое маленькое скучное горе заменили на коллективное... общенациональное. (Берет в руки портрет молодого Расула.) Я теперь его только таким и помню, хотя он не похож на себя... Я не могу в день его смерти остаться на кладбище один, посидеть в тишине, прогнать муллу, чтоб не слушать его дежурных песнопений, выплакаться, наконец... Я всегда окружен людьми.

Анар. Папа, Расул жив.

Бахтияр. Да, да. (Присаживается на диван.) Одно дело — его убили, лишили жизни, другое — его сознательное проживание вдали от семьи. Ты сам родитель, должен понимать, любому отцу это тяжело слышать. Ты сразу начинаешь анализировать, вспоминать, возможно, ты допустил одну фатальную ошибку и потерял своего

ребенка навсегда, еще этого не понимая... Вы были молодыми, ты с ним больше общался... Может, я что-то не замечал... Может, у него кто-то был на стороне? Или наркотики?

Анар (*смеется*). Папа, перестань. Никого у него не было. И вредных привычек тем более. Наркоман? Не смеши меня. Он всегда был любимчиком у вас, правильным и безупречным. В отличие от меня.

Бахтияр. Я просто не знаю... (*Присаживается на диван*.) Позови его.

Анар собирается выйти.

Бахтияр. И еще.

Анар (*останавливается*). Скажи.

Бахтияр (*строгим и официальным тоном*). Скажи своей жене, чтобы так себя не вела. Не в моем доме!

Анар. Пап, я все понимаю, но у нее есть причины так себя вести, больше, чем у всех остальных.

Бахтияр. Все равно! Нельзя так. И не при матери с ее здоровьем. Если есть вопросы, обсудите отдельно, но без сцен и рукоприкладства.

Анар. Рукоприкладство? Папа, это смешно!

Бахтияр. Я все сказал.

Анар. Хорошо, хорошо! Я решу этот вопрос. У меня полно проблем по жизни, но я и это решу. Как обычно я и делаю.

Анар выходит. **Бахтияр** откидывается на диване, прикрывает ладонью лицо, но выглядит это неестественным.

Входят **Анар**, **Расул** и **Алия**. **Бахтияр** поднимается, горячо обнимает **Расула**, довольная **Алия** всхлипывает.

Анар (*ехидно, вполголоса*). Дубль два.

Бахтияр (*трагичным, при этом официальным тоном*). Все эти годы я говорил с тобой, **Расул**. Всякий раз, оставаясь наедине, я заговаривал с тобой, рассказывал, как у меня дела, у матери твоей, у родных. Мне так не хватало общения с сыном.

Анар (*ехидно, вполголоса*). Папа, ты не на панихиде выступаешь.

Бахтияр (*взрывается*). Прекрати! Что за манера встревать? Прекрати!

Алия (*уводит мужа*). Тебе уже пора. Дороги перекрыты, надо выезжать заранее.

Бахтияр (*возмущенно*). Бубнит, бубнит себе под нос...

Алия (*уводит мужа, подмигивает Анару*). Он всегда бубнит. Так удивляешься, будто первый год его знаешь... (*Смеется.*) Сейчас будем обедать!

Алия и Бахтияр выходят, **Анар** и **Расул** остаются вдвоем. **Анар** держит руки на пояснице, расправляет плечи.

Анар (*ехидно*). Вечная история... Мне сорок четыре года, а отец меня отчитывает как школьника. При этом уроки прогуливаешь ты... И еще вот... (*Бьет брата кулаком в живот, придерживает его, чтобы не упал, усаживает на диван.*) Это так, для профилактики, не обижайся. Лучше сейчас, чем потом... И за то, что Зейнаб довел до истерики.

Расул кашляет, достает платок, вытирает губы.

Расул (*смеется*). Как там говорят, муж и жена — одна сатана. Сговорились прямо...

Анар (*строго*). И про это тоже скажу, чтобы больше не обсуждать... Зейнаб — моя жена. Моя семья, моя жена, мой сын. Мы тебе рады, но тревожить мое семейное счастье я тебе не позволю.

Расул. Я понял.

Анар. Молодец, схватываешь на лету.

Расул. Ты ее любишь?

Анар молчит, непонятно, то ли раздумывает над ответом, то ли хочет еще раз ударить брата.

Расул. Это просто вопрос.

Анар (*неестественно и малоубедительно*). Да.

Входят **Алия** и **Расул мл.**, вносят блюдо и тарелки, накрывают стол. **Расул** и **Анар** поднимаются.

Анар. Вот и помощник. Что, припахали тебя по женским делам? (*Смеется, треплет сына за затылок.*)

Алия (*громко, назад*). Зейнаб, доченька, захвати в кухне ложки-вилки. (*Обращается к Анару, говорит подчеркнуто.*) Анар, позови, пожалуйста, Зейнаб.

Анар (*громко, в сторону*). Зейнаб, принеси ложки-вилки!

Входит **Зейнаб**, приносит ложки и вилки. У нее отрешенный, равнодушный вид. **Алия** раскладывает еду по тарелкам, остальные садятся за стол.

Расул (*улыбается*). Пахнет вкусно.

Анар (*смеется*). Домашняя еда, то-то же. Скучал небось по маминой готовке?

Алия. Ешь, ешь, сыночка.

Расул. Мам, ты посидишь с нами?

Алия. Вы ешьте, а я пока чай заварю. Будем чай пить. С пирогом! Вишневым!

Анар. Отец ушел?

Алия. Да, ушел уже... Ушел, конечно, в расстроенных чувствах, но это же ваш отец, что тут удивляться, человек упертый и упрямый... Ешьте.

Алия уходит. **Анар** достает из шкафа бутылку водки и две рюмки.

Анар (*разливает водку по рюмкам*). Отец, возможно, в расстроенных чувствах, а мы будем в радостных чувствах, а? (*Сыну.*) А? Можно так сказать? Или лучше «в радужных чувствах»?

Зейнаб. Сегодня траурный день, если ты не забыл. Какой пример ты подаешь ребенку?

Анар. Ну что поделать, день сегодня особенный, не каждый день брат восстает из мертвых. (*Поднимает рюмку.*) С родным братом хочу выпить. Будь здоров, Расул! (*Выпивает.*) Расул... Даже не думал, что произнесу имя сына, обращаясь к тебе... В честь тебя назвали. (*Разливает водку.*)

Расул. Я догадался.

Анар (*треплет сына за плечо*). Вымахал, а? Взрослый парень уже, с меня ростом почти. Расти большой, сынок! (*Выпивает.*)

Расул (*обращается к племяннику*). Расул, а сколько тебе лет?

Расул мл. не успевает ответить. **Зейнаб**, поперхнувшись, кашляет. Входят **Алия** и соседка **Солмаз**. Начинается суматоха, **Солмаз** обнимает **Расула**, начинает плакать, к ней присоединяется **Алия**. **Анар** поднимается и начинает кривляться и пританцовывать, **Зейнаб** пытается его утихомирить.

Солмаз. Как я рада! Как я рада!

Зейнаб (*хватает мужа за руки*). Прекрати, что ты делаешь?

Анар (*смеется*). Что? Что? Что? (*Принюхивается к жене.*) У тебя новые духи? Что за аромат? Цитрусовые нотки? Грейпфрут? Бергамот? Расул, у вас там в Астаре выращивают бергамот?

Расул не отвечает. **Алия** и **Солмаз** садятся за стол. **Зейнаб** усаживает и мужа. Дальше диалог идет параллельно — с **Расулом** по отдельности беседуют **Алия** с **Солмаз** и **Анар**, при этом по сути друг друга никто не слушает и в ответах не нуждаются. **Анар** регулярно подливает себе водки и выпивает.

Солмаз. Это было такое горе! Помню, первые недели я даже входную дверь не закрывала, все время прислушивалась, вдруг Алие-ханум что-то понадобится. Горе все-таки сближает... А потом Анар с Зейнаб переехали в новую квартиру.

Анар. Да, новая квартира... Относительно новая. Тут недалеко.

Алия. Нам выдали единовременную помощь как родственникам жертвы теракта. Вот квартиру и купили Анару. Три комнаты, светло, просторно.

Анар (иронично). Да, брат, спасибо тебе.

Солмаз. Да, вот Анар с Зейнаб переехали, и на нашей лестничной площадке стало совсем тихо. Бахтияр-муаллим утром уйдет на работу, а я с Алией-ханум всегда рядом: и обед приготовить помочь, и сериал вместе посмотреть, и нашу женскую долю обсудить, и бедняжку Расула добрым словом помянуть, упокой бог его душу, ну то есть раньше мы так говорили, а сейчас... Я так рада! Так рада! *(Всхлипывает.)*

Расул (обращается к Расулу мл., шепотом). Напомни, как ее зовут...

Расул мл. приподнимается и шепчет на ухо, его не слышно.

Расул. А вы, Солмаз... Солмаз-ханум, совсем не изменились.

Солмаз (улыбается). А ты все такой же обходительный с дамами... *(Качает головой.)* Какой там не изменилась, растеряла молодость совсем... А ты хоть куда, будто и не было этих пятнадцати лет.

Анар (ехидно). Вот что жизнь на природе делает, в экологически чистом регионе, вдали от шумного и грязного мегаполиса. Расскажи, Расул, что же ты там делаешь?

Алия. Мне так нравилось в Астаре. Это сочетание моря, белого песка и высоких многолетних сосен. Так красиво.

Расул (улыбается). Да, мама, там очень красиво.

Анар (ехидно). Красивый край, здоровый образ жизни... А тут никакого здоровья... И спина моя больная. *(Хватается за поясницу.)*

Алия. Сыночка, приляг на диван.

Анар (саркастически). Обязательно, мама, обязательно.

Алия. А чуть выше там был совхоз субтропических культур.

Расул (улыбается). Да, мама, я именно там и работаю.

Алия. Там были мандариновые и апельсиновые рощи, росли эвкалипты, а еще я там впервые увидела фейхоа. Я имею ввиду, в виде дерева. У фейхоа такая красивая серебристая листва. *(Пауза.)* А еще там было много маленьких кирпичных домиков.

Расул. Мама, вот в таком доме я и живу.

Анар (обращается к сыну). Можем на праздники сгонять в гости, а? Поедем к дяде, устроим мужскую вылазку?

Солмаз. Расул, а ты живешь один?

Расул. Да, Солмаз-ханум, я живу один. И у меня никого нет, если вас это интересует.

Солмаз (вздохнув). Я не об этом, но раз уж речь пошла, то пора тебе найти достойную партию. Времена сейчас мутные, девушки современные — сплошь ветреные, что у них на уме — не пойму, но мы тебе найдем хорошую, у меня есть пара приличных кандидатур. Ах, Алия-ханум, вы не волнуйтесь, все хорошо будет. Нормальному мужчине что ведь нужно — чтобы добрая была, чистоплотная и не крокодил. (Смеется.)

Анар. Ну формально он еще...

Зейнаб (перебивает). Давайте пить чай.

Алия (суетливо). Да-да! У нас вишневый пирог...

Алия и Солмаз выходят. Пауза.

Анар. Вообще, конечно, засаду ты нам устроил. Документы восстанавливать, менять... Но это так, частное, а есть еще общественное. Возьми, к примеру, государственные списки — наша страна потратила кучу денег на увековечивание памяти жертв теракта: мемориалы, книги, справочные издания — и везде там сорок пять человек погибших. В один момент — все устаревает! Или вот могильная плита. Теоретически, конечно, можно затереть мрамор, свести надпись и фото...

Расул мл. А вот Пабло Эскобар воровал надгробия с кладбища, стирал надписи и продавал для повторного использования.

Анар. О, видишь! Сын мой, а! Все знает! Молодежь сейчас такая, шарит везде, интернет щелкает только так... Расул, сын, будь здоров!

Зейнаб. Ты уже пил за сына.

Анар. А мне вот хочется еще раз выпить. (Выпивает.) Кто-то против? (Указывает на брата.) Он не пьет, я вот за двоих отдуваюсь. Но мне не привыкать! Родителям помогать, тянуть все на себе, я же старший брат все-таки... (Пауза.) Так вот, можно надгробие использовать повторно, в конце концов, никто не вечен, кто-то из нас обязательно умрет, но вот досада — ты похоронен в Аллее почетного захоронения. Так что и тут засада — могильная плита принадлежит государству... Думаю, они могилу разберут и устроят там клумбу. Тридцать шесть, клумба, тридцать восемь. (Смеется.)

Расул мл. А что было в могиле?

Зейнаб. Ничего. Половину жертв не удалось идентифицировать.

Анар. Да, это, конечно, ужасный факт, врать не буду... Помянем!.. (*Выпивает.*) Расул, скажи мне, было ли что-то странное или подозрительное во время взрыва?

Зейнаб. Ты уже спрашивал.

Расул. Ты уже спрашивал, но нет, ничего такого... Взрыв, смерть, хаос. Все довольно обычно.

Анар (*саркастически, со злостью*). Па-а-а! Все довольно обычно! Что ты умничаешь?

Зейнаб (*поднимается, хватает бутылку с водкой*). Все, хватит.

Анар (*возмущенно*). Куда ты уносишь? Оставь. (*Отбирает бутылку, ставит обратно на стол.*)

Зейнаб. Потому что хватит!

Анар (*обращается к брату, со злостью*). То есть ты шляешься где-то в течение пятнадцати лет... Хорошо, хорошо, не где-то, а в Астаре... да, знаешь что, к черту твою Астару!.. Потом возвращаешься как ни в чем не бывало и рассуждаешь еще тут? Что ты умничаешь?

Зейнаб (*под шумок опять забирает водку, отдает сыну*). Иди к бабушке. Помоги бабушке.

Расул мл. уходит и уносит бутылку.

Анар (*громко, со злостью*). Что ты умничаешь? Попал в передрягу и переродился? Умный, да? Хрен тебе!

Зейнаб (*цедит сквозь зубы*). Хватит! Напился в такой день!

Анар. Какой такой? У меня брат вернулся с того света!

Расул. Анар, остановись.

Зейнаб. Стыдно же.

Анар. У меня брат вернулся с того света! (*Обращается к жене.*) Ты моего брата знаешь? Да, ты его знаешь. (*Смеется.*) Конечно, знаешь!

Анар получает пощечину от **Зейнаб**. Она уходит, братья остаются.

Пауза.

Анар берет брата за затылок, головой прижимается к его голове.

Анар. Вот такая встреча у нас... Эмоции прям переполняют... Люблю тебя, брат. Люблю и ненавижу... На хрена ты вернулся?

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

В гостиной комнате за столом сидят **Расул** и **Расул мл.**

Расул мл. Они странные, конечно, но хорошие. Бывает, ругаются. Думают, если дверь закрыта, я ничего не слышу... Но обычно ладят.

Расул. Как в школе учишься?

Расул мл. Нормально. На учителей производит впечатление, что я — племянник шахида, иногда можно не готовить уроки, иногда оценки рисуют.

Расул. Но ты ведь этим не злоупотребляешь?

Расул мл. Нет... Еще это помогает кадрить девчонок. Немного трагизма в голосе, печальный взгляд вдаль — сразу начинают утешать.

Расул (улыбается). А ты артист! Время даром не теряешь.

Расул мл. Бабушка говорит, ты был в самом эпицентре взрыва.

Расул. Да, в соседнем вагоне бабахнуло. Только на станцию подъехали, двери открылись — и тут вспышка резкая и бум! Нас отшвырнуло взрывной волной.

Расул мл. Ух ты!

Расул. Да... Там был мужик один, передо мной залез, он мне запомнился, потому что ногу отдавил вначале, такой с усиками и улыбкой блуждающей... А потом он еще влез, чтобы первым выйти из вагона, и опять наступил мне на ногу. И я стою такой, ругаюсь про себя, мол, что за человек, лезешь — бог с ним, но по ногам за что? Туфли я для тебя начищал перед выходом? И тут нас швыряет всех, он влетает в стену со всей силы, а я в него как в подушку безопасности.

Расул мл. А он насмерть?

Расул. На месте.

Расул мл. И мозги на стене?

Расул. Нет, никаких мозгов. Только струйка крови изо рта. И обмяк сразу, внутренние органы видно разорвало, селезенка... Стал как подушка набивная.

Расул мл. Круто. А потом что было?

Расул. А потом мельтешение одно. И везде кровь и тела разорванные.

Расул мл. Ух ты! Как в фильмах про зомби!

Расул. Слушай, а тебе можно смотреть такие фильмы?

Расул мл. Давно смотрю уже. Родители, правда, думают, что я еще мультиками увлекаюсь. А потом что?

Расул. А потом было такое удивительное совпадение. Это было уже в Астаре. Смотри, этот чувак с усиками из вагона...

Расул мл. Подушка?

Расул. Он самый. Я его нашел в списке погибших, под номером двадцать четыре. И выяснилось, что он родом из Астары. Представь?

Расул мл. Вот совпало.

Расул. Ага. И я узнал, что его родители живут в Астаре. Он был их единственным сыном... Старенькие уже были. Я им помогал, чем мог. Приходил их проводить... Я им объяснил, что был в том вагоне и что запомнил их сына... Они столько про него рассказывали все эти годы, что мне кажется, я его хорошо знаю и мы с ним — закадычные друзья... Лет пять как умерли его родители... Вначале мать, а через полгода и отец его... Старикам одним тяжело.

Расул мл. Это очень крутая история. Я бы ее записал в блог. Было бы много лайков и шейлов... Но, наверное, лучше потом?

Расул. Наверное, лучше потом... Вот... И когда я узнал, что он из Астары, а я сам уже был в Астаре, я понял, что это знак. Уже прошла неделя или дней десять, я сомневался, хотел вернуться, но это меня убедило.

Расул мл. А потом?

Расул. Потом... Потом было... Да неважно, на самом деле. *(Улыбается.)* Как тут вы живете?

Расул мл. У папы на работе проблемы.

Расул. Большие?

Расул мл. Детали мне не говорят, я же по их мнению еще маленький... Там сокращения, зарплату урезают... Кризис...

Расул. После каждого кризиса вполне ожидаем подъем.

Расул мл. Папа так не считает. Он говорит, что с каждым днем все хуже и ничего не исправится.

Расул. А ты как считаешь?

Расул мл. *(смеется.)* А я — маленький, я никак не считаю.

Расул *(улыбается).* В одном твой отец точно прав, ты уже совсем вырос.

Расул мл. Зато через три недели мы летим в Канаду.

Расул. В Канаду? Странное направление в кризис.

Расул мл. Да, папа устраивает нам настоящее приключение.

Расул. А мама что говорит?

Расул мл. А мама говорит, что нужны положительные эмоции. Мы летим в Торонто. Посмотрим Скалистые горы, там крутые национальные парки, папа еще обещал съездить на Ниагарский водопад.

Расул. Обширная программа.

Расул мл. Да, я пока сам не знаю, как мы все успеем. Это в разных частях страны.

Расул. Там, наверное, холодно?

Расул мл. Наверное. Папа дал мне поручение почитать о Канаде и ехать подготовленным.

Расул. Папа дело говорит.

Расул мл. А я вот в Астару поехал бы.

Расул. Успеется, съездишь и в Астару.

Входит **Зейнаб**, присаживается за стол.

Зейнаб (*обращается к сыну*). Тебя отец зовет.

Расул мл. выходит. **Расул** и **Зейнаб** остаются вдвоем. Пауза.

Зейнаб. О чем вы говорили?

Расул. О разном. Про школу говорили, про Астару. (*Пауза.*) И как тебе живется?

Зейнаб. Нормально, как видишь. Сына растим, родителям твоим помогаем, я маме твоей уколы делаю, она болеет, если ты не в курсе.

Расул. А Анар?

Зейнаб. Что Анар? Он тяжелый человек, но хороший. Бывает, ругаемся, кто ж не ругается, но обычно ладим.

Расул. Это же мой сын?

Зейнаб. Это мой сын.

Расул. Он похож на меня.

Зейнаб. Вы все похожи друг на друга. Ты, твой отец, брат...

Расул. Его повадки, манера говорить...

Зейнаб. Он, как и Анар, разбрасывает носки по комнате, не закрывает шкафы и не закручивает тюбик зубной пасты. Совершенно одинаковые, а я это терпеть не могу, но и изменить не в силах! Генетика!

Расул. Это мой сын.

Зейнаб. Зачем ты спрашиваешь? Зачем?

Расул. Я не спрашиваю.

Зейнаб. Что ты хочешь услышать? Я осталась одна и беременная. Я чуть ребенка не потеряла на нервной почве... А ты? Ты бы вернулся, если бы знал? Нет, не отвечай. Я не хочу ничего слышать. (Пауза.) Что мне оставалось делать? Все произошло само собой. Отец твой ушел в себя, мама с параличом, только Анар как-то держался на плаву и всех нас поддерживал... Заботился о нас. Обо мне, о ребенке, водил к врачам, на анализы, на прогулки свежим воздухом подышать... И мы сошлись... У нас поначалу были платонические отношения, даже первый интим был только после рождения Расула... Я не знаю, была ли это любовь, с моей или его стороны, скорей вынужденный союз двух не очень счастливых людей. И мы заслужили чуточку счастья...

Расул. И все так хорошо, что вы не завели второго ребенка? Своего.

Зейнаб. Ты знаешь, жизнь — это не праздничная открытка. В ней нет стандартных наборов, готовых схем... Все индивидуально, а ты... Ты не имеешь права, скинув с себя ответственность, бросив меня, забыв нас всех на пятнадцать лет, рассуждать и ставить под сомнение мою жизнь. Я не заслужила этого, просто не заслужила. (Пауза.) У нас все хорошо. Анар — хороший муж и отец, просто сейчас плохо с работой, но это сплошь и рядом, время такое — кризис, стагнация и перспектив особых нет. Иногда выпьет, но надо же как-то стресс изгонять, я его понимаю.

Расул. И поэтому он хочет переехать в Канаду.

Зейнаб (усмехнувшись). И поэтому он хочет свалить в Канаду. (Громко плачет.)

Пауза.

Расул (тихо). Зейнаб...

Зейнаб (сквозь слезы). Зачем ты вернулся? Я не хочу и не могу понимать, что тебя заставило бросить нас, бог тебе судья, но зачем ты вернулся? (Пауза.) Я как-то свыклась с жизнью. С тем, что лучшее время моей жизни прошло, так и не наступив. Заурядный быт, ритуальные уколы твоей маме, редкий секс, пьянство мужа, вечный запах перегара, его одежда, пропахшая сигаретами и непонятно чем — достало меня это все, но я со всем согласилась, с этим обманом самой себя, жизнь уж так сложилась, что поделать, ну не было у меня спасительной Астары, таксист не увез меня по ошибке в другой город... А потом появляешься ты и снова переворачиваешь

мою жизнь. Мою жизнь, к которой давно не имеешь никакого отношения. (Пауза.) И эта Канада чертова, даже с ней я согласилась... Ненавижу Канаду. Там холодно, я ненавижу холод.

С шумом появляются **Алия** и **Солмаз** с чайными принадлежностями и пирогом, вслед за ними **Расул мл.**, замыкает процессию неторопливой походкой **Анар**. Все размещаются за столом. Начинается чаепитие.

Алия. А вот и чай. С пирогом!

Расул мл. Бабушка, он апельсиновый?

Алия. Ай, Расул, я же говорила, пирог вишневый!

Расул мл. А пахнет апельсинами.

Алия. Вишневый! Вы, что, все друг друга не слышите?

Все молча пьют чай. Входит **Бахтияр**, медленно направляется к столу, присаживается.

Солмаз. Бахтияр-муаллим, здравствуйте! Как вы?

Бахтияр (замечает Солмаз). А-а, Солмаз, здравствуй, здравствуй!

Алия. Ну как все прошло?

Бахтияр. Поминальный вечер прошел на высшем уровне. Все как надо, не к чему придраться. И официальная часть, и потом тоже... На высочайшем уровне!

Солмаз (наливает чай). Бахтияр-муаллим, я вам темный сделала, как вы любите.

Бахтияр (забирает протянутую чашку). Ай, спасибо, Солмаз! Дай тебе бог здоровья! (Отпивает чай.)

Анар. Я вот только не пойму, почему поминальный вечер проводят днем?

Бахтияр (раздраженно). Потому что так надо! Организатором виднее, когда и как проводить! Тебя забыли спросить!

Алия. Что вы тоже завелись по пустякам? Перестаньте!

Анар (вполголоса). Поминальный день...

Бахтияр раздражен, хочет что-то сказать, но отмахивается.

Пауза.

Бахтияр. Да, все прошло на высшем уровне... Вот только странное ощущение... Мне пришлось сегодня изображать скорбь... Они все были там — родители, братья,

дети... Свыкшиеся с утратой, примирившиеся с ней, и тут я — не на своем месте, изображающий печаль подставной скорбец... Очень странное ощущение...

Алия (*передает тарелку с пирогом*). Съешь пирог. Вишневый. Витаминизируйся.

Расул заговаривает с **Зейнаб**, другие их не слышат, будто находятся в другом месте.

Расул. В Канаде не везде холодно. В Британской Колумбии вполне терпимо... А вот на плохо освоенных территориях — там да, адский холод. Вы, правда, как раз туда и попадете.

Зейнаб. Спасибо за поддержку.

Расул. Я знал, что ты была в положении.

Зейнаб. Вот как.

Расул. Ты не говорила, но я знал.

Зейнаб. Я не успела сказать... Хотела, но не успела... И? Ты хочешь услышать какие-то объяснения? Ты их не заслужил.

Солмаз (*жует*). Кому еще чай?

Пауза.

Зейнаб. Мы когда с Анаром решили, что жить будем вместе, я ведь все понимала. Я была беременна, за ребенка боялась, но мужчину надо держать сытым, мало ли, по шлюхам ходить будет, гадость какую в дом принесет... Поэтому я делала это рукой. (*Пауза*). А потом, когда Расул родился... У меня же кесарево было, значит еще два месяца никакого секса. И ночью я прислушивалась к сыну, когда он лежал рядом в кроватке, к твоему сыну, названному в честь тебя же, а сама ласкала Анара и рот ему закрывала ладонью, когда он кончал. (*Пауза*.) А ты... (*Переходит на крик*.) Ты — ничтожное инфантильное дермо! Чтоб ты умер, в этот раз окончательно и бесповоротно!

Зейнаб поднимается, хватает чашку с чаем и выливает в лицо **Расулу**, затем замирает с поднятой чашкой в руке словно в стоп-кадре. **Расул** сидит молча, лицо не выражает эмоций, остальные — как ни в чем не бывало, будто ничего не произошло, продолжают чаепитие.

Солмаз (*жует*). Очень хороший пирог.

Анар. Брат, лучше бы я оказался на твоем месте... Надо было на метро поехать домой, не автобусом...

Расул мл. А пахнет апельсинами.

Алия (*жует*). Вишневый, вишневый. Фабричный, но очень хороший.

Зейнаб выходит из стоп-кадра, с размаху швыряет чашку на пол, та разбивается вдребезги. В тот же момент гаснет свет.

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

В гостиной комнате разместились все основные герои, кроме **Расула**. В левой части комнаты на диване сидят **Алия** и **Солмаз**. В центральной части в кресле сидит **Зейнаб**, вокруг нее ходит **Анар**. За столом сидят **Бахтияр** и **Расул мл.**: дед читает газету, внук — большую книгу с надписью «Канада» на обложке.

Разбитые на пары герои последовательно беседуют друг с другом, игнорируя присутствие других участников эпизода, будто те находятся в постороннем месте, и по сути не обращая внимания на своих же собеседников.

Алия. Там повара звали Искендер. Это был конец шестидесятых, точно помню, 1967-й, как раз отмечали пятидесятилетие Великого Октября. В Астару тогда приезжал Урхо Калева Кекконен, президент Финляндии. Он там охотился. А Искендер ему готовил... Помню, однажды Искендер приготовил нам замечательный фисинджан-плов из кашкалдака. Так вкусно!

Солмаз. А я обычно из баранины готовлю фисинджан.

Алия. Здоровый был детина, рыбалку любил, с Косыгиным дружил.

Солмаз. Искендер?

Алия. Нет, Кекконен. Он в Астаре охотился. На куропаток, наверное, или что там еще водится.

Солмаз. На кашкалдаков.

Алия. Да, точно. Такой вкусный был фисинджан... А Кекконен жаловался на Искендера.

Солмаз. Жаловался?

Алия (смеется). Да, говорит, нельзя так вкусно готовить, весь спортивный образ жизни наスマрку. Говорит, вот этот фисинджан-плов — и все, Искендер, хватит!

Алия и **Солмаз** умолкают. Разговор продолжают **Анар** и **Зейнаб**. **Анар** ходит кругами вокруг **Зейнаб**.

Зейнаб. Хватит ходить, у меня от тебя голова кружится.

Анар (останавливается). Он тебе что-нибудь говорил? Какие-то неизвестные факты? Детали?

Зейнаб. Ты про взрыв? Нет, ничего. Зачем ты все время спрашиваешь?

Анар. А ты подумай. Включишь немного. Думаешь, я поверю в эту лабуду про перерождение? Переосмыслил свою жизнь? Чушь собачья. Расул явно что-то скрывает. Он там что-то видел, узнал и, опасаясь за свою жизнь, сбежал.

Зейнаб. О чем ты вообще?

Анар (*снова ходит кругами*). Думаешь, кто взорвал башни-близнецы? Сами американцы и взорвали! Так и здесь. Очень много нестыковок.

Зейнаб. Что ты несешь? К чему эта конспирология?

Анар. К тому, что правительство само организовало взрыв с целью объединить народ перед лицом внешнего врага.

Зейнаб (*отмахивается*). Прекрати ходить.

Анар (*останавливается, хватается за поясницу*). А-а, спина болит.

Зейнаб. Зачем это тебе?

Анар (*щелкает пальцами*). Алло, кто-то дома есть? Включишь! Это полезный политический инструмент. Я его использую, когда сдамся в Канаде. Мой брат, знаяший всю правду, скрывался долгие годы, а я для обеспечения безопасности семьи вывез жену и сына. Нам угрожали! Третировали! И все — Саскачеван отсюда! Мы здесь, в Канаде! Все хоккей! Вырвались из болота!

Зейнаб (*вполголоса*). Я ненавижу Канаду.

Анар (*ноет*). Спина...

Зейнаб. Ляг на диван.

Анар (*раздраженно*). Нельзя на диван. Ты-то хоть помни.

Зейнаб. Ляг на пол.

Анар хочет возмутиться, но в итоге ложится на пол и вытягивается, слегка постанывая.

Зейнаб (*обращается к залу*). Если бы был сюжетный поворот... Если в мою жизнь вмешался какой-то неоспоримый факт... Если я одновременно спала с обоими братьями... Если Расул любил другую... Или эта параноидальная теория заговора оказалась правдой... Если бы было что-то, объяснившее и успокоившее меня... Но ничего нет. Может, все дело в нашей заурядности. Мы же обычные люди. Неплохие по сути, может быть, но обычные... Или просто не там родились, не в то время. Я не знаю...

Зейнаб умолкает, **Анар** продолжает постанывать. Разговор продолжают **Бахтияр** и **Расул мл.**, читающие газету и книгу про Канаду соответственно.

Расул мл. Дедушка, а ты знаешь, что в Канаде больше озер, чем в остальных странах мира вместе взятых?

Бахтияр (*игнорирует вопрос внука, откладывает газету*). Взять вот тебя... Когда ты был маленьkim, я брал тебя с собой. Мы вместе стояли, слушали речи, но я в них почти не вникал, потому что думал о своем. Думал о Расуле, о том, что ты похож на него, и в детстве он вел себя так же. И во мне от этого растекалось такое тепло, хоть ненадолго, и я готов был улыбнуться, понимая, что жизнь продолжается и Расул продолжается в тебе, но потом я понимал, что вокруг люди, снимают телекамеры, и мою глупую улыбку никто не поймет, и вместо этого, вместо тепла воспоминаний во мне засела стандартная заурядная тоска. Она так проела меня, что теперь я не знаю, как мне реагировать, что мне делать... Что мне делать с вновь обретенным сыном...

Расул мл. (*листает книгу*). А еще баскетбол придумал канадец, хотя они обычно в хоккей играют...

Бахтияр (*игнорирует реплику внука*). Я всегда и везде играл. Всегда маска на лице. На работе пресмыкался перед начальством, дома — строгий и бескомпромиссный отец семейства, с соседями — уважаемый член общества, хотя слышал их гадости за спиной... Всегда анализ, проработка действий и поступков, шахматная партия длиной в жизнь. И кто я в итоге? Кем я вообще был в самом начале?

Разговор продолжают **Анар** и **Зейнаб**. **Анар** по-прежнему лежит на полу, **Зейнаб** сидит в кресле.

Анар. Зейнаб, давай заведем ребенка.

Зейнаб (*удивленно*). С чего это ты?

Анар. Я хочу девочку.

Зейнаб. Я не хочу ребенка. У меня не осталось ни сил, ни желания.

Анар. Это из-за него?

Зейнаб. С чего эта привычка искать внешние причины? Может быть, дело в нас?

Анар (*поднимается*). Я перестану пить... На два месяца. Полная очистка организма... Кроме того, в Канаде особо не забухаешь, алкоголь там дорогой.

Зейнаб (*ехидно*). Ты уже все проанализировал и запланировал.

Анар. Я хочу, чтобы наша дочь родилась в здоровом обществе. Это нас всех сблизит... Кроме того, ребенок сразу получит гражданство Канады. Это важный социальный...

Зейнаб (*возмущенно*). Инструмент? Моя дочь — не какой-то инструмент.

Анар (*улыбается*). Вот видишь, ты уже согласилась, что это девочка...

Зейнаб (*закрывает лицо*). Ты меня не слушаешь...

Действие продолжает **Солмаз**. Она говорит по мобильному телефону.

Солмаз. Слушай, слушай, это опять я, у меня не так много времени, просто я лопну пока до дома дойду. Ты представь, он живой, да, вернулся, как будто так и надо, можно подумать, за хлебом выходил. Здесь такой трам-тарарам! Зейнаб устроила скандал! Сказала, чтоб ноги его здесь больше не было... *(Слушает неизвестного собеседника.)* Бедный мальчик даже не знает, кто его отец... *(Слушает неизвестного собеседника.)* Старый маразматик ушел на поминки, он же не мог пропустить. *(Смеется.)* Нет, истрепался совсем. Эх, где тот Расул остался? А был хоть куда, он же на меня заглядывался тогда... Конечно... *(Кокетливо улыбается.)* И привел в дом эту дешевку, которая потом под его брата легла... *(Слушает неизвестного собеседника.)* Ой, ты знаешь, мне ее, если честно, чисто по-женски очень жаль. Алия — неплохая женщина, просто несчастная... *(Слушает неизвестного собеседника.)* А что Анар? Анару все до лампочки. Он через пару недель валит в Канаду — и все. С работы поперли, квартиру уже продал... Думаешь, ему это нужно?

Солмаз прерывает разговор. Действие продолжает **Бахтияр**.

Бахтияр. Нужно время... Надо повременить... *(Пауза.)* Тут дело тонкое, не надо торопиться. Есть вопрос репутации... Я все-таки отец шахида. Что скажут люди? Нельзя так... Поэтому надо выждать некоторое время, подождать, переждать, а решение само придет... Жаль, конечно, Солмаз в курсе, великий информатор... Это значит, уже полгорода знает, как минимум, но ничего, ничего... Сейчас главное вовремя вернуться в Астару. Я знаю...

Расул мл. Дедушка, а ты знаешь... *(Откладывает книгу в сторону, обращается к залу.)* Я знаю, что Канада — в один конец. Они все еще думают, что я — ребенок и ничего не понимаю. Но я все знаю, тут надо быть полным недоумком, чтобы не понять... *(Пауза.)* Они все ищут объяснение своей ущербности... Ищут и не находят... Просто их никто не любит. И они никого не любят... Они не умеют.

Быстрым шагом входит **Расул**, на нем плащ, в руке собранный зонт. Он подходит к **Алие** и **Солмаз** и плюхается на диван между ними. Далее идет разговор между **Расулом** и **Алией**.

Расул. Мама, ты приедешь ко мне в Астару?

Алия. Я же из дома почти не выхожу, куда и когда мне ехать?

Расул. Приезжай. Хоть сейчас, хоть через пятнадцать лет.

Алия *(смеется)*. Дурешка ты мой, я не собираюсь столько жить.

Расул. Искендер приготовит тебе фисинджан-плов из кашкалдака.

Алия *(отмахивается)*. Да он уже помер, наверное.

Расул *(воодушевленно)*. Вовсе нет! В тот день он наготовил дюжину кашкалдаков, которых Кекконен подстрелил на охоте... *(Тихо.)* Приезжай, мам. *(Целует ее.)*

Расул резко поднимается, подбегает к отцу, сидящему за столом.

Расул (воодушевленно). Отец, я исправился, избавился от всего. Смотри. (Задирает рукава плаща, показывает оголенные локтевые ямки.) Я бросил наркотики. И даже записался к психиатру. Буду лежать на кушетке и рассказывать про удивительные сады Астары... И самое главное, отец. Где бы я ни был, в Астаре или в лучшем из миров, говори со мной. Мы же так мало общались с тобой, почти не говорили... Говори со мной, рассказывай, как прошел день, все, что угодно... Я всегда буду слушать тебя...

Все это время **Бахтияр** хочет что-то сказать, поднимает руку, открывает рот, но слова застrevают. **Расул** подходит к **Анару**.

Расул. Анар, у меня есть для тебя кое-что... (Достает из внутреннего кармана плаща фотографии и протягивает их брату.) Смотри.

Анар (удивленно, с придаханием). Это? Это...

Расул (громко). Да!

Анар (просматривает фотографии, громко). Это снимки в метро!

Расул. Да, этот улыбающийся молодой человек — это я, ты меня узнал, а эти люди в красных огнезащитных комбинезонах и противогазах — это ликвидаторы... (Указывает рукой.) Вот тот, что меня обнимает и руку поднял, — это их главный. Это правительственные агенты, которые добивали выживших после взрыва. Ты сейчас так рад, я понимаю, что даже не спросишь, почему они меня отпустили, но это неважно. Важно другое — в твоих руках теперь есть важный политический...

Анар (громко). Инструмент!

Расул (громко). Именно! Ин-стру-мент! И Канада будет покорена.

Анар (громко). Канада у моих ног!

Расул (громко). Да!

Анар (громко, лезет обниматься). Люблю тебя, брат!

Расул. Взаимно, брат! И еще. (Бьет брата в живот, потом еще сильнее в грудь, помогает удержаться на ногах.) Дай мобильник! Давай сюда...

Мало что соображающий **Анар** передает мобильный телефон. **Расул** включает камеру, наводит на брата.

Расул. Рубашку подними... (**Анар** покорно задирает рубашку.) Выше... (Делает снимок.) Тебе нужны задокументированные следы от побоев. Пригодится... (Делает снимок.) Только лицо попечальнее. Тебе больно, больше драмы! (Делает снимок.)

Расул выключает камеру, протягивает **Анару** телефон. Тот берет его, роняет фотографии, поднимает, заправляет рубашку. **Расул** достает из внутреннего кармана плаща листок бумаги.

Расул. И вот. Это адрес лучшей канадской клиники. Я все изучил, там вылечат твою спину. Только обратись через годик, как раз после рождения дочки у вас появится медицинская страховка.

Расул отходит, направляется к дивану. Помятый **Анар** держит в руке листок с адресом, фотографии и телефон, другой рукой потирает грудь.

Расул плюхается на диван между **Алией** и **Солмаз**. Разговор идет между **Расулом** и **Солмаз**.

Расул (*игриво*). Солмаз, а я тебя вспоминал.

Солмаз (*кокетливо улыбается*). Да?

Расул (*стучит пальцами по ручке зонта*). Да, дождливыми астаринскими ночами ты приходила в мои фантазии.

Солмаз (*взбиваеет волосы*). Пятнадцать лет назад я была в самом соку. Я помню, как ты смотрел на меня — снизу вверх и сверху вниз. Поедал глазами.

Расул (*игриво*). Ты и сейчас та еще штучка... (*Вполголоса.*) Если закрыть глаза на целлюлит, дряблую кожу и избыточный вес.

Солмаз (*томным голосом*). Приходи ко мне через пятнадцать минут...

Расул (*игриво, громко*). Я достану свой кашкалдак и устрою славную охоту!

Солмаз (*хочет*). Да!

Расул (*поднимается*). Через пятнадцать минут... Или пятнадцать лет...

Расул отходит, направляется к столу, присаживается напротив **Расула мл.**

Расул. Сынок, прости меня. Ты, наверное, единственный, у кого я хочу попросить прощения... У нас было бы несколько лет... Пока ты был совсем малыш... А потом ты вырос бы и все понял, стал бы в итоге как я — ничтожным инфантильным дерьмом, как выразилась твоя мама. Я смалодушничал, спрятался за лживой смертью, за фасадом погибшего героя... Сбегал от них всех, а оставил тебя... И знаешь, что... Астара не лечит... Во всяком случае меня... Я не общался с семьей Двадцать четвертого, того астаринского парня, что случайно спас меня... Видел их только однажды, отца с матерью и многочисленную родню... Да и зачем они мне? Что мне им сказать? Ваш сын был очень мягким человеком? (*Хочет.*) Я не заменил им сына, не стал ангелом-хранителем... Нет никакого перерождения, нет переосмысления жизни. Я — не блаженный дурачок, не нашедший смысл жизни путник, я... Я — просто человек...

Расул мл. Потому ты и вернулся.

Расул. Потому что не изменился. Я такой же... Для них я — почетный мертвец, повод напоказ поубиваться горем. Кем будешь ты? Ты еще чистый внутри, непрогнивший, неотравившийся этим воздухом.

Расул мл. И что мне делать, папа? Уехать в Астару?

Расул (*улыбается*). В Канаду, сынок, в Канаду.

Расул проводит рукой по копне волос **Расула мл.**, поднимается и подходит к **Зейнаб**.

Зейнаб. В то утро я наговорила тебе гадостей.

Расул. Мы оба наговорили.

Зейнаб. Сколько раз я потом себя ругала... Потому что в наших последних словах была только ненависть. Я ругала себя за то, что мы запомнили друг друга такими... А ты...

Расул. А я ходил в это время под дождем в Астаре.

Зейнаб. Дерьмовый ты человек, Ягубов.

Расул. И снова гадкие слова. По кругу.

Зейнаб. Ты их заслужил.

Расул. Знаю, ты их тоже... (*Останавливает изменяющуюся в лице Зейнаб.*) Тихо, тихо... Все же в наших руках. Вернемся в то утро. Представим, что мы счастливы.

Зейнаб. Мы же любили друг друга когда-то.

Расул. И в то утро тоже... Больше нет обидных, ранящих слов. Я бегу на работу, уже опаздываю, стою тут в плаще и с зонтом в руках...

Зейнаб. Ты не позавтракал, а я ругаюсь с тобой, но так... совсем беззлобно... Просто нашему сыну не нужен папа с язвой желудка.

Расул. Ты забегаешь вперед.

Зейнаб. Да, точно. Я так думаю про себя, потому что хочу сообщить тебе эту новость вечером в специальной обстановке.

Расул. Точно.

Зейнаб. Ну вот... Ты опять не позавтракал, зла на тебя не хватает. (*Понарошку барабанит кулаками по его груди.*)

Расул (*смеется*). А я смеюсь. Мне уже пора нырнуть в подземку... И тут...

Стук в дверь.

Зейнаб (*прислушивается*). Кто-то стучит в дверь... Но неважно... Я хочу потянуть еще время... И тут вспоминаю, что ты забыл... (*Озирается*.) Забыл свой портфель...

Расул (*с напускной досадой*). Памяти совсем никакой...

Зейнаб. Приношу твой портфель... Тяжелый! Что ты в нем таскаешь? (*Настороженно*.) Но на нем вместо ручки какая-то хрень... (*Меняется в голосе*.) Это все неправда, больше нет того утра.

Расул. К черту портфель. (*Отбрасывает портфель, обнимает ее*.) Я люблю тебя.

Зейнаб. Я люблю тебя.

Расул и **Зейнаб** целуются. Снова стук в дверь, затем входит улыбающийся усатый мужчина, это **Двадцать четвертый**. **Расул** и **Зейнаб** обворачиваются.

Расул (*радостно*). Двадцать четвертый!

Двадцать четвертый (*радостно*). Тридцать седьмой!

Расул (*хлопает Двадцать четвертого по плечу*). Приветствую, дружище! (*Поворачивается к Зейнаб*.) Я должен идти, пора! (*Обнимает ее*.) Но... Но если я опять пропущу его вперед, он умрет.

Зейнаб (*тихо*). Делай то, что велит тебе сердце...

Расул и **Двадцать четвертый** выходят. Все остальные герои на своих прежних местах.

Пауза.

Раздается звук взрыва, затем он затихает и сменяется шумом дождя. Сышен звук раскрываемого зонта и натянутого нейлона, по которому звонко стучат капли дождя.

Зейнаб делает несколько шагов, натыкается на лежащий на полу портфель, поднимает его, открывает и высыпает содержимое на стол — это крупные ярко-желтые мандарины. Все обворачиваются на звук.

Занавес.

Январь 2017